

УДК 821.161.1.09"1917/1991"

А.В. Громова

Мир цвета в повести Вс. Иванова «Цветные ветра»

В статье рассматривается субъективно-выразительная функция цветообозначений в поэтике повести Вс.В. Иванова «Цветные ветра». Благодаря контекстному анализу выявляются устойчивые ассоциативные и символические значения некоторых спектральных и ахроматических цветов, прослеживается связь образной семантики цветообозначений с традициями русской культуры, определяются индивидуально-авторские приемы формирования символических значений цвета.

Ключевые слова: Вс. Иванов; «Цветные ветра»; стиль художественного произведения; цветообозначения; русская проза 1920-х гг.

«**Ц**ветные ветра» (1922) Вс.В. Иванова входят в цикл «Партизанские повести», изображающий Гражданскую войну в Сибири. Об этом произведении в 1920-е гг. писали А.К. Воронский, А.З. Лежнев, в 1950–1990-е — Г.А. Белая, Л.А. Гладковская, Е.А. Краснощекова, Г.А. Скороспелова и др., в последнее время появились работы И.Л. Новокрещеновой, Г.Н. Старченко, Р.М. Ханиновой, свидетельствующие о возрождении интереса к писателю.

Повесть рассматривали сначала в аспекте отражения революционной действительности, затем — в плане исследования орнаментальности, которую отождествляли с изобразительностью. Е.А. Краснощекова писала, что «молодой писатель поистине “захлебывается” от осаждающих его словесных поэтических образов» [5: с. 7]; Г.А. Белая назвала Иванова писателем-«живописцем», которому свойственно пристрастие к метафорам, ярким пейзажам, декоративным образам [3: с. 130]. Одной из составляющих орнаментализма считалась многоцветность. Однако изобразительная функция цветообозначений является не единственной в художественном тексте, в данной статье объектом анализа становится их субъективно-выразительная функция.

Еще А. Лежнев заметил: «...Редко у кого погружаемся в мир таких ярких и звучных красок, как у Иванова» [6: с. 224]. Критики отмечали «монгольскую пестроту» [6: с. 224] ивановского произведения, «контрастность ярких красок, свойственную дальневосточному и алтайскому экзотическому пейзажу» [5: с. 7], «рериховскую красочную напряженность», которой отдано предпочтение перед «импрессионистской зыбкостью» [5: с. 7–8]. Действительно, в отличие от собственных поэтике импрессионизма пастельных полутонов [8] в произведении Иванова доминирует яркая хроматическая гамма, что акцентировано заглавием произведения. Как отметила Л.Н. Миронова, «...на восходящей ветви

исторического развития народа для него предпочтительны чистые и яркие цвета» [7: с. 11]. Яркость красок в повести «Цветные ветра» отражает восприятие писателем революции как «праздника преображения» [9: с. 78].

Выделяя преобладающие в «Партизанских повестях» Иванова цвета, Е.А. Краснощекова объясняет их выбор влиянием природного ландшафта: «Любимые цвета писателя: голубой — цвет неба; зеленый — леса, травы; желтый — цвет выжженной степи» [5: с. 8]. Применительно к повести «Цветные ветра» данное утверждение нуждается в уточнении. Из хроматической гаммы в произведении Иванова безусловное доминирование принадлежит желтому цвету, который вкупе с золотым (золотистым) и лимонным упоминается 91 раз. На втором месте оказывается зеленый цвет (73 словоупотребления), на третьем — синий (61).

Желтый и золотой (золотистый) в художественном мире повести «Цветные ветра» соотносятся с такими явлениями природного мира, как солнце, огонь, осенние листья, солома, древесина, древесная смола, песок: «И дым от костров желтый, тягучий, как сосновая смола. В светло-золотом небе течет, плавится густое желтое пятно солнца» [1: с. 240]; «Цвели желтыми пятнами соломенные незнакомые крыши» [1: с. 244]; «А за окном желтый осинник лопочет; дорога — точно золотая тряпица по ветру» [1: с. 249]. При этом осень воспринимается с позиции крестьянина — не как пора увядания, а как пора сытости, на что указывает соположение метафорических эпитетов «желтые, сытые, осенние голоса» [1: с. 249].

В русской культуре желтый цвет трактуется неоднозначно. В фольклоре он может соотноситься с солнцем и иметь позитивное значение, но чаще наделяется негативной оценкой и связывается с представлением о смерти [11: с. 202]. В христианстве желтый цвет ассоциируется с прелюбодением, унынием и предательством, что иконографически воплощалось в изображении Иуды в желтых одеждах [2: с. 211]. В русской классической литературе желтый как цвет тления и смерти встречается в прозе Ф.М. Достоевского и в поэзии А.А. Блока. Желтизна как указание на нездоровье (физическое или нравственное) фигурирует в портретах многих персонажей повести Иванова «Цветные ветра»: желтое тело и зеленовато-желтое лицо у Никитина, желто-розовое — у Феклы, бескровное, желтое лицо у киргизского борца. В целом значения желтого цвета в повести Иванова соответствуют традициям русской культуры, дополняясь представлением об «азиатчине» и «киргизах».

Значимым в повести «Цветные ветра» является зеленый цвет, с помощью которого Иванов утверждает «природность» жизни русских крестьян. Исследователи отмечали характерное для стиля писателя сопоставление людей с растениями, животными и элементами пейзажа [5: с. 8]. Но наряду с этим присутствуют сравнения людей с персонажами низшей демонологии: «Лохматая, впрозелень, голова у попа Исидора. И голос глухой, прерывистый, пахнущий зеленью болот. Идет он широко, в темно-зеленой рясе. Кочка — осокистая

голова, кочки — лохматые руки. Подземная вода — глаза, ясные и пристальные» [1: с. 196]. Исидор — «лесной поп», сочетающий в портрете черты лешего и водяного: у него *зеленоволосое тело*, он похож на *широкое зеленое пятно, на мшистую зеленую колоду, на клуб зеленого дыма*. «Зеленый цвет характеризует персонажей народной демонологии: зеленые волосы у лешего, русалки, водяного; зеленая борода у лешего; зеленого цвета бес, водяной; глаза зеленого цвета имеют леший, русалки, вилы, водяные» [11: с. 306]. Дьявола на иконах также изображают в серо-зеленой гамме. В портретах многих персонажей повести «Цветные ветра» выделены зеленые глаза: не только у Калистрата Ефимыча, у киргиза, но и у зайца, коров и лошадей, и даже у святых на иконах. Лица у Смолиных «угловатые, зыбко-зеленые» [1: с. 200], у мужиков — «тускло-зеленые, как кочки в сограх» [1: с. 256], с партизанами идет «кислый и зеленый запах овчин и болот» [1: с. 250]. И земля изображена как коварное мифологическое существо: «Манила голая русалка — земля в короне зеленой, с грудью теплой» [1: с. 196].

Но зеленый цвет в повести Иванова может иметь и положительную коннотацию, указывая на принадлежность или близость к природному миру, символизирующему жизнь, молодость, плодородие: *лилово-зеленые и зеленовато-золотые травы, светло-зеленые стога сена, зеленоватая жара, зеленоватые брызги водопада, одинаково зеленые и теплые небо и земля*. И сам повествователь в финальном лирическом отступлении говорит о себе: «Вот горсть земли моей — цветет! И зрочки мои — комья земные, в травах! <...> Ветер я, пыль золотая, гам зеленый, горный!» [1: с. 305].

Приведенные примеры показывают, что природность неразрывно связана со стихийностью, которая трактуется двояко. С одной стороны, она обусловила внутреннюю силу «мужиков-партизанчиков», которые «напоены до краев... соками жизни, соками густыми и пахучими, как деревья весной» [4: с. 258]. С другой стороны, Иванов отмечает в крестьянах доминирование инстинкта, недооформленность сознания; сопоставление людей с растениями и существами низшей демонологии указывает на отсутствие в них личностного, духовного начала.

Синий чаще всего характеризует природные явления: *синие Тарбагатайские горы, синее небо, синие тучи, синие кедры, синие камыши, иззелена-синяя крапива, грязно-синеватые гряды, тускло-синяя мочажина*. Синий цвет (в соответствии со своей колористической природой) в некоторых случаях наделяется дополнительной семантикой темного или холодного. С одной стороны, он указывает на отсутствие или недостаток света: «Густая и жаркая синь спала за окнами» [1: с. 191]; «Глядел Калистрат Ефимыч в глубокую тьму за окном... Выл тоскливым, волчьим воем на пригоне синий полуночный ветер» [1: с. 214]; «Тащит телега синюю тяжелую темноту в легкую лунную пену. А за дорогой такие же синие глыбы тьмы шелестят, а над глыбами дальше — еще глыбы» [1: с. 262]. С другой стороны, синий цвет связан с представлением о холоде: «В эту ночь дул в Тарбагатайских горах с севера,

с далекого моря синий, льдистый ветер» [1: с. 195]; «Ночи стояли холодные и синие» [1: с. 245]; «Дни бежали голые, в лохмотьях, синие от холода» [1: с. 268].

В портрете синий цвет может выражать разные значения. Синий оттенок кожи отражает болезненность: земельно-синие лица у скрывающихся в лесу большевиков, желто-синее — у больного киргиза, «священная синяя пена», которая должна появиться на губах шамана, — признак его перехода в мир духов. А вот синие глаза, напротив, признак положительной авторской оценки. В повести «Цветные ветра» у большинства персонажей глаза имеют зеленый цвет или оттенок. На этом фоне выделяется веселый староста, у которого «веселые, легкие, синеватые глаза» [1: с. 189]; «темно-голубые» глаза у Настасьи Максимовны [1: с. 244]. Синий цвет в портрете также характеризует главного героя произведения — правдоискателя Калистрата Ефимыча. У него «густо засинели глаза» [1: с. 207], «твердая синяя борода» [1: с. 242], «большие, заросшие синим волосом руки» [1: с. 227]. Калистрат Ефимыч привлекает автора как человек, который, пройдя через искус религиозных поисков, бунта, личных утрат, обрел смысл в крестьянском труде и семейной жизни.

Несмотря на многообразие и яркость красок, красный цвет в повести «Цветные ветра» не занимает ведущего положения. Не считая омонимичного слова «красный» в значении «большевик», красный в прямой функции цветообозначения встречается в повести всего 20 раз. Вместе с тем в тексте упоминается немало оттенков красного, к которым относятся багровый, алый, малиновый, рдяный.

Красный цвет также наделен смысловой амбивалентностью. В традиционной культуре он символизирует жизнь и плодородие, но это и цвет крови, а также огня, пожара. В повести Иванова с помощью красного цвета и его оттенков изображены и погром у киргизов, и бандитское нападение на деревню: «И топот. И рев в топоте, как пыль — алый... С разбитою головою на арбе киргиз. Юрты в крови. Небо багрово» [1: с. 283]; «Алый огонь поджигает небо — горят избы. Трещит поселок — горит ветер от поселка, багровый! Люди бегут поселком в багровых рубахах» [1: с. 291]. «У каждого двора убито по бабе... Нет мужиков — бей баб. Разворочены красные мяса чрева» [1: с. 292]; «А скот забыли. Ревут пригоны. Горит скот — паленой шерстью пахнет. Красно-бронзовые у скота глаза. Красно-бронзовый ветер в небе хохочет, шипит, свистит» [1: с. 293].

В противовес красному цвету пожара, погрома и крови цветом жизни становится розовый (39 словоупотреблений), связанный с представлением о телесности, особенно — с чистым младенческим телом, радостью, рождением: «Розоватая жаркая дымка радовалась над поселком» [1: с. 193]. Весна описана как возрождение природы: «Таяли снега, таяли. Рождалась розовая земля. Телесного цвета, пухлые, как младенцы, бежали на облака горы» [1: с. 300]. Пора летнего цветения тоже розовая: «Несло летом, ветра по улице прыгали розовые, желтые и голубые. Медоносными травами пахло. Дни пахучие, медовые, розовые» [1: с. 215]. Личико у новорожденного ребенка похоже

«на розовую каплю» [1: с. 298]. В лирическом отступлении автор обращается к природе, выражая надежду на ее плодородную силу и способность к обновлению: «Ветер зеленый плодороден и светел. Здрав будь, сладок!.. К себе землю, колебли ее и жми! Семя принесет тяжелое и розовое» [1: с. 304]. Здесь плодами земли метафорически названы люди.

Для повести Иванова характерно обилие цветообозначений, наличие сложных цветовых эпитетов: ветер у него не только зеленый, желтый, оранжевый, багровый, синий, но и золотисто-лазурный, пурпурно-бронзовый, лимонно-оранжевый, травы лилово-зеленые, горы серебристо-фиолетовые. На фоне многообразия красок вызывает определенный интерес и более скромно представленная в повести ахроматическая гамма.

Черный цвет упоминается в повести 21 раз и, как правило, несет негативный смысл. Иногда он употребляется для характеристики «чужого»: *киргиз с черными спутанными волосами; черная, прямоволосая голова шамана Апо; черноглазый и черноусатый серб; черные погоны атамановцев.*

Применительно к природным явлениям эпитет «черный» характеризует воду реки, тайгу, землю, ветер, при этом в первых трех случаях определение соотносится с цветом предмета, а по отношению к ветру употребляется метафорически: «...речушка Борель издали с гор кажется совсем матово-черной» [1: с. 221], тайга «зеленая, голубая и черная» [1: с. 268], ночью «черно-синий ветер» [1: с. 244]. Заслуживает внимания обыгрывание слова «чернь» («густой непроходимый лес», «тайга» [10: т. 4, стб. 1320]) в сочетании «прель из черни — черная, гнилая» [1: с. 270], создающем суггестивное представление о тайге (лесе) как источнике опасности и гибели. Характеристика земли как черной также дается не в традиционном положительном значении плодородия, а с негативным оттенком «пепелища»: «Злятся, трясутся стены избы. Земля на дворе обжигает черные зубы, люди на зубах у ней как пена» [1: с. 289]. В этом контексте обращает на себя внимание употребление черного цвета для характеристики Калистрата Ефимыча как «земляного человека»: «Тело большое и черное, как весенние земли» [1: с. 257]; «Как лемех в черной земле, блестели у того зубы. Завило желтым ветром черную длинную бороду» [1: с. 258].

Белый цвет (20 словоупотреблений) в своем прямом значении используется в «Цветных ветрах» для описания внутреннего убранства жилища и объектов, связанных с хозяйством и едой: *выбеленные стены избы, белокошемная юрта, белое вареное сало, белые хлебы, корова Белянка.* Но чаще всего белый (и белесый, т. е. мутно-белый) употребляется для характеристики глаз — близоруких, слепых, слабовидящих, что поддержано неоднократным употреблением в тексте повести слова «бельмо»: «Густели кроваво, как свежие раны, белесые, выцветшие глаза мужиков» [1: с. 251], «беловатые, как солонцы, глаза» [1: с. 250], «белесые глаза и белый седой зрачок» [1: с. 260] у старика-старообрядца, у Бая Джаусея глаз «как кусок сала» [1: с. 264]; оловянный глаз (бельмо) у бабки-повитухи; «Земля плакала, слезилась. Туча как бельмо в небе» [1: с. 273].

Позитивное значение цвета связано главным образом с природой. В пейзажах эпитет «белый» используется для описания снежных вершин и рифмуется со словом белки́ (сибирское название снежных гор [10: т. 1, стб. 378]): «белогрудые Тарбагатайские горы» [1: с. 250], «белые клыки Тарбагатайских белков» [1: с. 251]. Апофеозом белого цвета становится финал, который изображает зимнюю землю, освобожденную от борьбы и смерти, и связан с рождением ребенка: «И небо сосало из белой зимней груди голубой дым» [1: с. 298], у ребенка «крик тонкий и белый» [1: с. 297]. Здесь реализуется традиционное для европейской культуры представление о белом цвете как символе чистоты.

Представление о сером цвете (15 словоупотреблений) соотносится с объектами этой окраски: золой, пнем, камнем, и, как правило, усиливается дублированием, приводящим к формированию дополнительных ассоциативно-метафорических значений. В описании юрты упоминание серой кошмы рядом с золой усиливает значимость серого цвета как эмблемы скуки, обыденности и тлена. В характеристике дороги упоминание камня и золы — объектов с общим значением серого цвета, а затем осины с коричневой корой обуславливает появление метафоры «цветного ветра»: «Пахнет дорога не камнями — золой, а ветер коричнево-серый — корой осиновой» [1: с. 262]. У Никитина «подпаленные серо-фиолетовые глаза», и говорит он «резко, словно дробя камень» [1: с. 242]. В портрете Дмитрия Смолина солдатская одежда как будто отражается в цвете лица: у него «широкий и серый, как шинель, рот» [1: с. 256], «усы под опухшими серыми щеками» [1: с. 254]. Серый цвет в описании людей связан с физическим или моральным нездоровьем. У больного ребенка «серое, в липкой кровяной чешуе тельце» [1: с. 208]; Фекла похожа на дрофу, «с глазами маленькими, серыми, как у дрофы, в мутной пленочке» [1: с. 193]. При этом серый цвет в природе не вызывает у автора негативных ассоциаций: его восхищают «раскиданные в долине среди трав огромные, словно пятистенные избы, серые каменные глыбы» [1: с. 221], у серой каменной курочки «ловок и радостен шажок. И мутен радостью вертлявый оранжевый глаз» [1: с. 230].

Подводя итоги, отметим следующее. Цветообозначения в повести Иванова помимо прямой изобразительной функции приобретают контекстные метафорические значения, а также обладают «фоновыми коннотациями», связанными с символическими значениями того или иного цвета в русской культуре. Помимо яркой метафоричности, употребление цветообозначений у Иванова поддерживается ассоциативностью и своеобразной «рифмовкой», которая оказывается не только формальной, но и семантической (черный — чернь, белые клыки белков, белесые глаза — бельмо). Цветообозначения, роль которых акцентирована автором в заглавии повести, служат для характеристики и оценки персонажей и событий и в целом способствуют раскрытию авторского замысла.

Библиографический список**Источники**

1. *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1973. 624 с.

Литература

2. *Астахова Я.А.* Цветообозначения в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2014. 234 с.
3. *Белая Г.А.* Дон Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989. 400 с.
4. *Воронский А.* Литературные силуэты: II. Всеволод Иванов // Красная Новь. 1922. № 5. С. 254–275.
5. *Краснощекова Е.А.* Поэтическая речь раннего Всеволода Иванова // Рус. речь. 1969. № 4. С. 7–11.
6. *Лежнев А.* О литературе: статьи. М.: Сов. писатель, 1987. 432 с.
7. *Миронова Л.Н.* Цветоведение. Минск: Вышэйшая школа, 1984. 285 с.
8. *Николаева М.Н.* Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1(17). С. 50–57.
9. *Скороспелова Е.Б.* Проза первой половины 1920-х годов // История русской литературы XX века, 20–50-е годы. Литературный процесс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 72–92.

Справочные и информационные издания

10. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка: в 4 т. М.: Прогресс Универс, 1994. [Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. под ред. проф. И. Бодуэна де Куртенэ].
11. *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. 704 с.*

References**Istochniki**

1. *Ivanov Vs.* Sobr. soch.: v 8 t. T. 1. M.: Xud. lit., 1973. 624 s.

Literatura

2. *Astaxova Ya.A.* Czvetooboznacheniya v russkoj yazy'kovej kartine mira: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. M., 2014. 234 s.
3. *Belaya G.A.* Don Kixoty' 20-x godov: «Pereval» i sud'ba ego idej. M.: Sov. pisatel', 1989. 400 s.
4. *Voronskij A.* Literaturny'e silue'ty': II. Vsevolod Ivanov // Krasnaya nov'. 1922. № 5. S. 254–275.
5. *Krasnoshhekova E.A.* Poe'ticheskaya rech' rannego Vsevoloda Ivanova // Rus. rech'. 1969. № 4. S. 7–11.
6. *Lezhnev A.* O literature: stat'i. M.: Sov. pisatel', 1987. 432 s.
7. *Mironova L.N.* Czvetovedenie. Minsk: Vy'shejschaya shkola, 1984. 285 s.
8. *Nikolaeva M.N.* Yazy'kovy'e osobennosti stixotvorny'x “pejzazhny'x kartin” O. Uajl'da // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1(17). S. 50–57.

9. Skorospelova E.B. Proza pervoj poloviny' 1920-x godov // Istorija russkoj literatury' XX veka, 20–50-e gody'. Literaturny'j process. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2006. S. 72–92.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. Dal' V.I. Tolkovy'j slovar' zhivago velikorusskago yazy'ka: v 4 t. M.: Progress Univers, 1994. [Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1903–1909 gg. pod. red. I. Bodue'na de Kurtene'].
11. Slavyanskije drevnosti: e'tnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. / pod. red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. T. 2. 704 s.

A.V. Gromova

World of Colors in Vs. Ivanov's «Color Winds»

The article deals with a subjective and expressive function of color terms in poetics of the story «Color Winds» by V.V. Ivanov. Using the contextual analysis the author of the article reveals steady associative and symbolical meanings of some spectral and achromatic colors, traces links of figurative semantics of color terms with Russian cultural traditions and defines the author's individual techniques of formation of color symbolical values.

Keywords: Vs. Ivanov; «Color Winds»; style of a literary work; color terms; Russian prose of 1920s.